

Л. А. Дубинина

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

**Античный код в малой прозе В. Я. Брюсова:
Рея Сильвия в истории из жизни VI века**

Дубинина Л. А. Античный код у малой прозе В. Я. Брюсова: Рея Сильвия у історії з життя VI століття. У статті представлений аналіз історіософської концепції письменника та особливостей поетики новели «Рея Сильвия (Оповідання з життя VI століття)» (1914), розглянутих у зв'язку з античним кодом, який виявляє важливі структуро- і смисло- утворюючі функції: неоміфологічну, пов'язану з міфом про Рею Сильвію і його втіленням у свідомості головної героїні — Марії; історіософську (у контексті брьусовської концепції циклічності часу); естетичну (в центрі - образ величчя Риму, мотив краси).

Ключові слова : *міф, античний код, екфрасис, історіософія, новела.*

Дубинина Л. А. Античный код в малой прозе В. Я. Брюсова: Рея Сильвия в истории из жизни VI века. В статье представлен анализ историсофской концепции писателя и особенностей поэтики новеллы «Рея Сильвия (Рассказ из жизни VI века)» (1914), рассмотренных в связи с античным кодом, который обнаруживает важные структуро- и смысло- образующие функции: неомифологическую, связанную с мифом о Рее Сильвии и его воплощением в сознании главной героини — Марии; историсофскую (в контексте брьусовской концепции цикличности времени); эстетическую (в центре — образ величия Рима, мотив красоты).

Ключевые слова : *миф, античный код, экфрасис, историсофия, новелла.*

Dubinina L. A. The antique code in V. Bryusov's small prose: Reya Silviya in history of life of the VI century. The article presents an analysis of the concept of historiosophical writer and novel features of the poetics of "Rhea Silvia (The story of the life of the VI century)" (1914), considered in connection with the ancient code that detects important of structure and semantic-function: neomifologic, associated with the myth of Rhea Silvia and its embodiment in the mind of the main character — Mariya; historiosophical (in the context of the Bryusov's concept of cyclical time); aesthetic (in the center — the image of the greatness of Rome, the motif of beauty).

Keywords: *myth, antique code, ekphrasis, historiosophy, short story.*

На рубеже XIX и XX веков возник острый интерес к переломным эпохам, в том числе и к кардинальным изменениям, происходившим в жизни и мироощущении человека после гибели Римской империи, то есть на рубеже Античности и эпохи Средневековья. Потребность выхода на новые уровни миропонимания приводила писателей к созданию собственной системы «ключей-кодов» (в том числе и «античного») к постижению современности через призму «вечных» вопросов жизни человека.

В научных исследованиях Э. С. Даниелян [3], К. Г. Исупова [4], М. В. Покачалова [6], Н. А. Царевой [7] творческого наследия В. Я. Брюсова неоднократно отмечалось присутствие в поэзии («Психея» (1898), «Лик Медузы» (1905), «На песке» (1912), «Гимн богам» (1913) и др.) и в романах-мифах «Алтарь Победы» (1910) и «Юпитер Поверженный» (1911) писателя-символиста античных аллюзий и реминисценций. При этом античность выступала как некое вместилище сю-

жетов, коллизий, мотивов и образов, а «античный код» становился источником первопричинных смыслов и тайн, так как в его центр зачастую помещался миф. Античная же мифология, по мнению А. Ф. Лосева, «является отражением человеческой жизни, ее потребностей и стремлений, ее отношения к настоящему, прошедшему и будущему, ее идеалов и вообще всех ее материальных и духовных жизненных сил. Только понимание мифологии как разновидности конкретно-жизненного мышления превращает ее в то подлинное достояние человечества, в котором оно жизненно нуждалось в известные периоды своего развития» [5].

Ю. А. Бондаренко подчеркивала, что «символистам античность представлялась универсальной праосновой культурно-исторического целого, одновременно являясь и темой философского анализа и предметом художественного изображения» (здесь и далее курсив мой — Л. Д.) [1:65]. Именно такой античностью предстает и в произведении Брю-

сова, о чем свидетельствует уже его название и подзаголовок, которые обозначают рамки эпохи Древнего Рима — ее начало (Миф о Рее Сильвии, матери основателей Рима — Ромула и Рэма) и конец (постимперская эпоха VI века).

Особо следует сказать о семантике и функциях подзаголовка. Первоначально «Рей Сильвия» имела подзаголовок — «*рассказ из жизни VI века*». Позже он был изменен, и рассказ стал «*повестью из жизни VI века*». По объему данное произведение скорее соотносимо с жанром рассказа, а не с повестью. Однако, учитывая и другие факторы, точнее было бы отнести это произведение к жанру *новеллы*. Заметим, что, изменяя определение жанра, Брюсов оставлял неизменным, видимо, более важный для него аспект, подчеркивая, что это — некая *история из жизни VI века*. Таким образом, в названии и подзаголовке акцент возникал на со- и противопоставлении *мифа* и *исторической реальности*, а кодирующая функция паратекста предвещала неомифологический текст с символично-многозначной структурой, художественно воплощающий историософские взгляды автора. Это предвещание, как показывает анализ поэтики брюсовской новеллы, вполне оправдывается.

Сюжет рассматриваемого произведения разворачивается в рамках хронотопа, воссоздающего урбанистический пейзаж полуразрушенного готами Рима и жилища обедневшего переписчика рукописей Руфия. На этом фоне в центре внимания повествователя оказывается судьба его дочери Марии. Девушка, с детства погруженная в мир книг и собственных фантазий, которые оказались предпочтительнее окружающей ее разрухи, при встрече с древним артефактом — барельефом, изображавшим весталку Рею Сильвию и бога Марса, найденным на развалинах Золотого дома Нерона, начинает думать, что она и есть прекрасная Рей или Илия. Поэтому встретив и полюбив готского юношу Теодата, который выдавал себя за римлянина Агапита, она отождествляет его с богом Марсом. Таким образом, в повествование о судьбе Марии вписывается античный миф о первопредках древнего города, величественного Рима, и неомифологическая история самого Брюсова — «новый миф» о Марии-Рее.

Художественно воссоздавая эпоху VI века, Брюсов в соответствии со своими незаурядными знаниями историка и филолога в небольшое по объему произведение точно вписывает не только детали, но и выразительные подробности быта («О вине нечего было

и думать, и пить надо было скверную воду из цистерн и из Тибра, так как водопроводы были разрушены готами» [2:335]), а также социально-политические реалии того времени (набеги вражеских племен, бедность и разгром Рима: «Потомки сенаторов и патрициев, дети богатейших и знатнейших родов вымаливали на улицах кусок хлеба, как нищие. Рустициана, дочь Симмаха и вдова Боэция, протягивала руку за подаванием» [2:335]), имена римских правителей (Тотила, Нарсес, Цезарь и т.п.). Но преобладающими все же оказываются полуразрушенные античные артефакты, по обломкам которых можно судить об искусстве и культуре Древнего Рима. Поэтому, как и в лирике Брюсова, в поэтике «Рей Сильвии» очень важные функции выполняет экфрасис. В лирике же, как отмечал К. Г. Исупов, «*экфрасис* становится приемом эстетизации действительности и истории» [4:44]. Кроме того, «*артефакт* важен Брюсову как *мотивирующее средство*» [4:44] — предметы искусства как в лирике, так и в прозе Брюсова становятся некими связующими нитями, способными расширить возможности познания героя, автора и читателя.

В «Рее Сильвии» находим описания прекрасных развалин Вечного города, Золотого дома Нерона, в который попадает главная героиня, барельефа, изображавшего мифических персонажей и др. При этом создается впечатление «кинематографической» разбивки повествования на кадры и их динамичную смену благодаря эффекту визуальности: «...Мария, запасшись самодельным факелом, ... спустилась в открытый ею зал... Величественный покой предстал ее взорам. Стены до половины были мраморные, а выше расписаны дивной живописью. В нишах стояли бронзовые статуи работы изумительной, казавшиеся живыми людьми. Можно было различить, что пол, засыпанный мусором и землей, был мозаичный... Через огромную дверь она проникла в целый лабиринт ходов и переходов, приведших ее в новый зал, еще более великолепный, чем первый. Дальше следовала целая анфилада покоев, убранных мрамором и золотом, стенной живописью и статуями; во многих местах еще стояла драгоценная мебель и разная домашняя утварь тонкой работы» [2:342].

Именно благодаря экфрасису, античный код получает иной вектор развития. Перед читателем «Рей Сильвии» вырисовывалась исторически эпоха VI века, но сквозь нее просвечивал античный миф о сотворении Вечного города, преломленный и возрожден-

ный в субъективном восприятии Марии-Реи. Возможность такой многослойности художественной ткани (палимпсеста), как уже говорилось, была закодирована в паратексте брюсовского произведения. Однако, в отличие от «римских» романов-мифов Брюсова, историко-философские размышления автора фокусируются не столько на столкновении в судьбе личности язычества с христианством, сколько мифа и реальности. В центре повествования оказывается процесс преобразования полубезумной Марии в Рею Сильвию: «С каждым днем все более казалось Марии, что она странно похожа на эту древнюю весталку, и мало-помалу, в мечтах, уже не умела различить, где бедная Мария, дочь Руфия, каллиграфа, и где несчастная Илия, дочь царя Альбы Лонги. Себя самое Мария уже не называла иначе как Рея Сильвия» [2:345].

М. В. Покачалов отмечал, что в «Рее Сильвии» важную роль играет символика имен. В частности, «язычница Мария (Рей Сильвия) чертами характера и внешностью напоминает христианку Рею из "Алтаря Победы", а также девушку Сильвию из "Юпитера поверженного". Их трагическая судьба схожа с судьбой легендарной весталки» [6:76]. Представляется, что не менее, а может быть, и более важны для понимания образа Марии-Сильвии и другие претексты. Ведь Брюсов, как в других своих новеллах из сборников малой прозы «Земная ось» (1910) и «Ночи и дни» (1913), показывает человека на грани между реальностью и миром воображения. Подобно бродяге из «Мраморной головки», или Анне Николаевне (героине новеллы «Бемоль»), Мария уходит в мир мечты и воображения и, одержимая сходством с образом на барельефе, становится другой. Как и героини сборника «Ночи и дни», Мария-Сильвия — женщина, которая поддавшись соблазну, попадает в плен своих страстей. Связь всех названных претекстов с «Реей Сильвией» обнаруживается и на других уровнях поэтики — коллизий, сюжета, мотивных комплексов и др. Такой автоинтертекст придает античному коду функцию ключа к пониманию человеческой природы.

Писатель, который в жизни играл роль черного мага, хотя и пунктирно, но точно воссоздает логику процесса ухода героев в созданный их воображением мифологизированный мир. Так, бедная Мария-Рей, встретив юношу в развалинах дворца Нерона, вообразила, а затем и поверила, что перед ней предстал бог Марс. Сила ее мифотворчества такова, что она вовлекает в свой мир-миф и возлюбленного (подоб-

но тому, как в сологубовской новелле «Свет и тени» Володя вовлекает свою мать в мир теней). При этом юноша — гот по имени Агапит — сначала играет роль римлянина Теотада, а затем и Бога Марса.

Среди автоинтертекстуальных символических мотивов Брюсова (красоты, тайны, любви, сна) античный код позволяет обнаружить и автоинтертекстуальный мотив страсти, представленный здесь в сопряжении с библейским мотивом грехопадения, когда теряется тонкая грань между высоким и низким, а возлюбленные становятся обычными любовниками: «Они опять бродили по пустынным покоям Золотого дома, но уже не столько влекли их картины, статуи, мраморы стен и мозаика, сколько возможность в новой комнате снова и снова упасть в объятия друг другу. Они еще мечтали о будущем Риме, который будет основан их детьми, но это радужное видение уже затмевалось счастьем несдержанных поцелуев, в пламенном дыме которых исчезала не только действительность, но и мечта. Они еще называли себя Реей Сильвией и богом Марсом, но уже стали бедными земными любовниками, счастливой четой, подобной тысячам тысяч других, живших на земле за тысячи столетий [2:351–352].

Таким образом, подобно тому, как в романе-мифе «Огненный Ангел» (1907) мастер мистификаций Брюсов стилизовал свой текст под никогда не существовавший жанр немецкого романа XVI века, «Рей Сильвия» была представлена как рассказ или повесть VI века. На самом деле подобных жанровых моделей в VI веке не существовало, и античный код здесь тоже служил мистификации, затеянной ради осмысления актуальных для рубежа XIX и XX столетий историко-философских проблем. Как известно, Брюсов мыслил исторический процесс как движение повторяющихся подобных циклов [3 ; 7]. На очередном витке очередной переломной эпохи символист Брюсов и многие его современники предстали перед вечной проблемой выбора между реальной действительностью и миром творческого воображения, жизнью и мифом. Выбор, который делает Мария-Сильвия в пользу мифа, с одной стороны, вносил смысл в ее существование, а с другой — служил предостережением для читателей, поскольку брюсовская новелла демонстрировала невозможность воплощения мифической реальности в жизнь. Вместо близнецов Рема и Ромула Мария-Рей родила недоношенное, бесполое, мертвое существо. Ее возлюбленный оказался не бессмертным божеством, а погибшим от пыток юношей. Что же касается

самой героини, то повествователь в финале еще отчетливее, чем на протяжении всей новеллы, подчеркивает ее болезненное состояние. Только окончательно вообразив себя древней весталкой, она в безумии бросается в Тибр.

На протяжении всего повествования автор поддерживает в героине и читателе ожидание ее неизбежной гибели, ведь в древнем мифе Рею Сильвию бросают в воды Тибра. Поскольку подобной участи героиня избегает, ее самоубийство является новеллистически неожиданным. Причем, героиня совершает его не только потому, что так было предначертано мифом, а и из-за невозможности жить в мире без любимого Теодата-Агапита. С одной стороны, земная женщина победила в ней вымышленный образ, но, с другой стороны, миф дал ей возможность пережить истинные чувства, порожденные не только величием и красотой героев и мира Античности, но и божественной любовью к Марсу-

Агапиту. Не случайно семантика имени «Агапит» обозначает «божественную любовь» [8]. При этом Брюсов представил героиню, относящуюся к хорошо известному ему женскому типу, уже неоднократно воссозданному в его предыдущих произведениях («Огненный ангел», «Бемоль», «В подземной тюрьме», «В зеркале»), а ее губительная в судьбе героя роль художественно преломила известные писателю жизненные коллизии, в том числе и его собственные (отношения с Ниной Петровской).

Таким образом, античный код в новелле Брюсова обнаруживает важные структуро- и смысло-образующие функции: неомифологическую, связанную с мифом о Рею Сильвии и его воплощения в сознании Марии; историко-софскую (в контексте брюсовской концепции цикличности времени); эстетическую (в центре — образ величия Рима, мотив красоты).

Литература

1. Бондаренко Ю. А. Интерпретация античного мифа в творчестве русских символистов / Ю. А. Бондаренко // Вестник Томского ГУ. — Выпуск № 329. — 2009. — С. 65—68.
2. Брюсов В. Я. Повести и рассказы / В. Я. Брюсов ; сост., вступ. ст. и прим. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова; ил. и оф. А. А. Бахмановой. — М. : Правда, 1988. — 464 с.
3. Даниелян Э. С. Валерий Брюсов. Проблемы творчества / Э. С. Даниелян. — Ереван : Лингва, 2002. — 175 с.
4. Исупов К. Г. Русская эстетика истории / К. Г. Исупов. — СПб. : Высш. гуманитар. курсы, Рус. христиан. гуманитар. ин-т. — 1992. — 156 с.
5. Лосев А. Ф. Античная литература : Учебник для высшей школы / Алексей Федорович Лосев, Надежда Алексеевна Тимофеева, Гитта Абрамовна Сонкина, Н. М. Черемухина ; под ред. А. А. Тахо-Годи. [Электронный ресурс] — 7-е изд., стереотип. — Москва : ЧеРо : Омега-Л, 2005. — 542 с. Режим доступа : <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/losev/greciya.htm>
6. Покачалов М. В. Римский миф в повести В. Я. Брюсова «Рея Сильвия» / М. В. Покачалов // Вестник ЮУрГУ, Серия : Социально-гуманитарные науки. — №8 (80). — 2007. — С. 74—76.
7. Царева Н. А. Русский символизм : Основные принципы и историософия (на материалах творчества Дм. Мережковского, В. Брюсова и А. Белого) : монография / Н. А. Царева. — Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2005. — 190 с.
8. Значение имени «Агапит». [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kakzovut.ru/names/agapit.html>.